

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17103>

EDN: <https://elibrary/OQWNWC>

ДИНАМИКА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.А. Чигашева , Е.Д. Кузнецова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

 mchigasheva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается функционирование англоязычных заимствований в индивидуальном дискурсе политических деятелей современной Германии, представляющих разные партии. В условиях доминирования транснациональных политических идей англицизмы трансформируются в значимый маркер политического автопортрета. Авторы исходят из положения, что их использование является осознанной стратегией стилизации профессиональной коммуникации и формирования гибридной идентичности политического актора. Эмпирическую базу исследования формирует текст предвыборных книг Аннелены Бербок («Союз 90/Зеленые») и Сары Вагенкнехт («Левая партия»), опубликованных в период предвыборной кампании в бундестаг XX созыва (2021 г.). Методология исследования интегрирует количественные методы корпусной лингвистики и качественный дискурс-анализ, позволяющий эксплицировать скрытые идеологические установки. Представлена авторская классификация англицизмов, включающая пять функционально-семантических групп: терминологические обоснованные, концептуальные, стилистические, ложные англицизмы и цитатные заимствования. В ходе исследования выявлены преобладание в дискурсе обоих политиков терминологически обоснованных заимствований (по количеству единиц и их словоупотреблений) и минимальная доля ложных и цитатных заимствований (не выше 1,5%). Концептуальные англицизмы представлены одинаково по количеству употреблений (19%), но отличаются по количеству единиц (27% у А. Бербок и 16% у С. Вагенкнехт.) В дискурсе А. Бербок также преобладают стилистические англицизмы (23%), в отличие от дискурса С. Вагенкнехт (8%). Результаты исследования демонстрируют, что, несмотря на различную партийную принадлежность и идеологическую ориентацию, оба политика активно прибегают к англоязычным обозначениям для восполнения терминологических лагун. Вместе с тем индивидуальный опыт оказывает детерминирующее влияние на частотность и функциональную нагрузку заимствований. Анализ подтвердил, что англицизмы служат инструментом самопрезентации, выступая индикатором прогрессивности или приверженности конкретным идеологическим течениям. В заключение намечаются перспективы дальнейшего расширения исследования за счет привлечения большего объема текстов представителей различных политических спектров Германии.

Ключевые слова: индивидуальный политический дискурс, немецкий язык, англицизмы, политический автопортрет, семантика.

Для цитирования: Чигашева М.А., Кузнецова Е.Д. Динамика англоязычных заимствований в политическом дискурсе Германии: функционально-семантический аспект // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 43–59. DOI: 10.18721/JHSS.17103

DYNAMICS OF ENGLISH BORROWINGS IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE: FUNCTIONAL AND SEMANTIC ASPECT

M.A. Chigasheva , E.D. Kuznetsova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 mchigasheva@mail.ru

Abstract. This paper examines the functioning of English borrowings in the individual discourse of leading German politicians representing different parties. Within the context of dominant transnational political ideas, English borrowings serve as a significant marker of political self-portrayal. The authors proceed from the premise that their use constitutes a deliberate strategy for stylizing professional communication and shaping the hybrid identity of a political actor. The empirical basis of the study is formed by the pre-election books written by Annalena Baerbock (Alliance 90/The Greens) and Sahra Wagenknecht (The Left Party), published during the campaign for the 20th Bundestag (2021). The research methodology integrates quantitative methods of corpus linguistics and qualitative discourse analysis, which allows for the explication of hidden ideological attitudes. The authors present an original classification of English borrowings, comprising five functional and semantic groups: terminologically motivated borrowings, conceptual borrowings, stylistic borrowings, pseudo-borrowings, and quotation borrowings. The study reveals a predominance of terminologically motivated borrowings (in terms of the units' number and their usage frequency) in the discourse of both politicians, and a minimal proportion of pseudo-borrowings and quotation borrowings (no more than 1,5 %). The frequency of conceptual borrowings is consistent across both politicians' discourse (19 %). However, their lexical diversity differs: they account for 27 % of the unique borrowings used by A. Baerbock, compared to 16 % for S. Wagenknecht. Stylistic borrowings are far more prevalent in A. Baerbock's discourse (23 %) as opposed to S. Wagenknecht's, where they constitute only 8 %. The results demonstrate that, despite differing party affiliations and ideological orientations, both politicians actively employ English-language borrowings to fill terminological gaps. At the same time, individual experience exerts a determining influence on the frequency and functional load of the borrowings. The analysis confirms that English borrowings serve as a tool for self-presentation, acting as indicators of commitment to progressive values or allegiance to specific ideological movements. In conclusion, the paper outlines prospects for further research by incorporating a larger texts' volume from representatives of various political spectra in Germany.

Keywords: individual political discourse, German language, English borrowings, political self-portrait, semantics.

Citation: Chigasheva M.A., Kuznetsova E.D., Dynamics of English Borrowings in German Political Discourse: Functional and Semantic Aspect, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 43–59. DOI: 10.18721/JHSS.17103

Введение

Глобальная роль английского языка в современном мире оказывает значительное влияние на национальные языки, прежде всего благодаря его высокому коммуникативному рангу. Самая известная концепция, отражающая эту роль и это влияние, обозначается в лингвистике как English as a Lingua Franca (ELF), то есть концепция языка-посредника или лингва франка. Она предполагает «использование английского языка в межкультурном контексте» [1, с. 19] и определяет его функциональную сущность. Максимально наглядным влияние английского языка остается на лексическом уровне. В некоторых работах отмечается, что речь идет при этом, как правило, о формальном заимствовании, без изменения звукобуквенной формы лексической единицы, поскольку иностранные слова не приводят к нарушению коммуникации в ином языковом сообществе [2]. Данное утверждение, однако, релевантно не во всех случаях. Наибольшее

количество англо-американизмов фиксируется в интернет-дискурсе¹ и в профессиональных сферах, прежде всего там, где США и Великобритания имеют приоритет в инновационных разработках, например в IT-технологиях или экономике [3]. Подчеркнем также, что довольно интенсивно англо-американизмы проникают в медийный и политический дискурсы. На это обращал внимание еще в 1973 г. федеральный президент Густав Хайнеман². Это отмечается и сегодня в работах немецких исследователей [4]. На засилье англоязычных заимствований, в том числе в политике, сетуют даже журналисты³.

В данной работе под англицизмами понимаются лексические или синтаксические единицы (слова, словосочетания, фразовые единства, предложения), имеющие орфографические, фонетические, морфологические и семантические признаки заимствования из английского языка независимо от его национального варианта. Сюда мы также относим номинации англоязычного дискурса, этимологически восходящие к латинизмам или галлицизмам, гибридные формы и единицы, созданные на основе английских корней или по словообразовательной модели английского языка. Часть речи и степень ассимиляции заимствованных единиц в нашем случае имеют второстепенное значение.

Зарубежные авторы говорят сегодня об ‘англизации’ (Anglisierung) немецкого языка, отмечая, что чаще всего англоязычные заимствования употребляются в медийном дискурсе [5]. К интересным результатам в ходе эмпирического исследования на материале статей газеты *Die Welt* (1994–2004 гг.) приходит С. Бурмасова. В своей монографии она отмечает, что большая часть заимствований приходит из сферы «политика» и максимальное их количество также фиксируется в этой области, наряду со сферой «экономика». За десятилетний период, по данным исследователя, их количество увеличилось в 1,8 раз [6, с. 223–224]. Долю англицизмов в материале трех австрийских онлайн-изданий *Wiener Zeitung*, *Der Standard*, *Heute* выявляла М. Радтке. В первых двух источниках основное внимание уделяется политической тематике, но доля выявленных автором англицизмов в них оказывается менее значительной (0,5%), чем в издании *Heute* (1,5%), где публикуются материалы о женщинах и актуальных тенденциях образа жизни современного человека [7, с. 107]. В фокусе исследования Р. Борша находится употребление англоязычных заимствований немецкими политиками. При этом автор отмечает недостаточное количество работ на эту тему и потребность в классификации такого лексического феномена как англицизмы на основе эмпирических данных [8, с. 116–118]. Вина за чрезмерное распространение англицизмов в немецком языке возлагается, по мнению Ф. Пфальцграфа, преимущественно на акторов, занимающих лидирующие позиции в экономике и политике [5, с. 299].

Англо-американизмы политического дискурса рассматриваются с разных позиций и на материале разных языков. Так, Ч. Юйцян считает, что в русском языке они проходят практически полную ассимиляцию, приводя в качестве аргумента их словообразовательные возможности и градацию их словообразовательного потенциала [9]. На разную степень адаптации англицизмов в лингвопрагматическом аспекте указывают также В.А. Каменева и Н.В. Рабкина. На примере индивидуального политического дискурса Д.А. Медведева авторы выделяют ряд функций таких заимствований: номинация актуальных понятий глобальной экономической и политической коммуникации; языковая экономия; создание имиджа современного политика;

¹ Горбунова И.В. Функционально-стратегический потенциал англицизмов в интернет-дискурсе: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 183 с.; Букина Л.М. Функционально-семантические и структурные особенности англоязычных заимствований во французском Интернет-дискурсе: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: дисс. ... канд. филол. наук. Коломна, 2019. 209 с.

² Heinemann G.W. Pflege der deutschen Sprache. URL: <https://jochenteuffel.com/wp-content/uploads/2022/01/heinemann-pflege-der-deutschen-sprache.pdf> (дата обращения: 07.03.2026).

³ Anglizismen im Wahlkampf // Die Welt. URL: <https://www.welt.de/kultur/medien/plus255405112/Anglizismen-im-Wahlkampf-Wie-die-deutsche-Sprache-ihre-Definitionshoheit-verliert.html> (дата обращения: 12.02.2026); Schindler S.-S. Schenkt der deutschen Sprache mehr Liebe! // Corrigenda. URL: <https://www.corrigenda.online/kultur/sprachverfall-schenkt-der-deutschen-sprache-mehr-liebe> (дата обращения: 12.02.2026).

нейтрализация (эвфемизация) закрепившихся негативных коннотаций слов родного языка; функция пароля и идеологическая [10, с. 37]. Почти к таким же выводам, на материале русского и чешского языков, приходит Е.А. Рычева [11]. Функциональный аспект англицизмов в российском политическом дискурсе заявлен в исследовании Е.М. Ручкиной, Е.Е. Беловой и А.А. Карпенко, однако авторы фокусируют внимание на этапах адаптации заимствованной лексики и ее стилистической коннотации – позитивной или негативной [12]. Анализируя функции англоамериканизмов в итальянском языке, О.А. Погорецкая выделяет два противоположных вектора коммуникативной обоснованности заимствований: оправданность/неоправданность [13]. Данная позиция совпадает отчасти с рассуждениями Р. Борша, который с прагматической точки зрения предлагает различать две категории: *vermeidbare Anglizismen* (избыточные) и *unvermeidbare Anglizismen* (необходимые) [8, с. 119–126].

По мнению Р.А. Винника, политические англицизмы являются наиболее емкими носителями ценностных ориентиров и идеологических установок. Они не просто именуют новые явления и понятия, но и транслируют специфические мировоззренческие рамки, сформированные в англоязычном дискурсе. Разделяем точку зрения автора, что каждое заимствование в политической сфере потенциально несет в себе идеологический контекст, культурный и исторический «шлейф» англоязычного дискурса [14, с. 3933].

Согласно концепции культурных трансферов М. Эспаня и М. Вернера, любой культурный объект, включая слово или идею, при переходе из одной среды в другую не просто копируется, а подвергается реинтерпретации, семантической трансформации и функциональной адаптации [15]. Заимствование рассматривается как сложный процесс «культурного перевода», в результате которого элемент, подвергаемый трансферу, встраивается в новую систему, изменяя ее, что позволяет сместить фокус с причин заимствования на процесс адаптации, отчуждения или сохранения «культурного шлейфа» в новом контексте, а также трансформации принимающего языка и культуры [16]. В соответствии с данной концепцией англицизмы в немецком политическом дискурсе представляют собой не просто иноязычные лексические единицы, а «упакованный» результат межъязыкового и межкультурного трансфера. Они импортируют в немецкий контекст целый пласт идеологических представлений англосаксонского мира.

Для понимания смысла сложных коммуникативных ситуаций, к которым по праву относится политический дискурс, только лингвистическое знание оказывается малоинформативным, в дискурсивных исследованиях объем экстралингвистических параметров расширяется и лингвистический анализ приобретает прагматический характер [17, с. 85–86]. Предполагаем, что, употребляя англицизмы в своей речи, устной или письменной, политик сигнализирует в том числе о своей приверженности к определенной модели политической культуры.

Немецкий исследователь и критик П. Литтгер также считает, что заимствования не ограничиваются отдельными лексемами, они включают целые культурные коды, присоединяющие определенные социальные группы в Германии к доминирующему англо-американскому культурному пространству. Он проводит параллель с гибридным двигателем (*hybrider Antrieb*), питающимся из нескольких источников, что подчеркивает статус профессионального дискурса немецкого политика как гибридной системы, черпающей политическое вдохновение из автохтонных немецких и глобальных англизированных ресурсов [18].

Массовые заимствования из английского языка вызывают обеспокоенность немецких лингвистов. В Германии нет государственного органа, который бы ограничивал или регулировал употребление англицизмов в общественно-политической сфере, устанавливал бы их количественные нормы, как и нет единого критерия, закрепленного в нормативных документах, в отличие, например, от Швейцарии, где в 2020 г. ведомство канцлера выпустило рекомендации по употреблению англицизмов в текстах органов власти (но отметим, что они довольно размыты и

носят общий характер⁴). За чистоту немецкого языка в Германии выступают общественные объединения филологов. Самым известным является Общество немецкого языка (*Verein Deutsche Sprache*), хотя некоторые исследователи обвиняют его представителей в субъективности и необоснованной критике употребления англицизмов [19]. Несмотря на отсутствие в Германии нормативных ограничений на использование англицизмов, в академическом дискурсе широко обсуждается их реальный удельный вес. Так, ученый-лингвист П. Айзенберг, опираясь на лексикографические данные, указывает, что доля англицизмов в лексиконе, не представляющая реальной угрозы суверенитету немецкого языка, не должна превышать 3,5–4%⁵. На наш взгляд, подобный «порог допустимости» можно применять в отношении отдельных монологических высказываний политиков (выступлений, книг, интервью и др.).

В упомянутых научных публикациях англицизмы не рассматриваются с позиции дискурса политического актора во взаимосвязи семантики и их функций, что определяет новизну проведенного исследования.

Цель данной работы заключается в выявлении и систематизации основных групп англицизмов немецкоязычного политического дискурса в соответствии с их семантическим содержанием и функциональной направленностью, что продолжает начатые ранее исследования [20]. Материалом для анализа был выбран индивидуальный политический дискурс Анналены Бербок («Союз 90/Зеленые») и Сары Вагенкнехт (в то время – «Левая партия»). По данным разных источников, в период кампании по выборам в бундестаг 2021 г., они входили в число десяти самых популярных политиков Германии⁶. В этом же году вышли их книги, представляющие собой предвыборные программы: “Jetzt. Wie wir unser Land erneuern” (А. Бербок) и “Die Selbstgerechten” (С. Вагенкнехт). Данные политики имеют разный профессиональный опыт, а также разную, порой противоположную политическую направленность.

Анналена Бербок, уроженка Западной Германии (Ганновер), представляет собой типаж наиболее западно-ориентированного современного политика с богатым международным опытом. В школьные годы она училась по обмену в США, затем получала высшее образование в Великобритании в Лондонской школе экономики и политических наук, проходила стажировку в Британском институте международного публичного и сравнительного права, что оказало непосредственное влияние на формирование ее политической идентичности. На различных этапах своей карьеры она входила в рабочую группу «Европа» партии «Союз 90/Зеленые», занималась разработкой внешнеполитического направления, находилась в составе правления Европейской партии «Зеленые», принимала участие в программе «Молодые глобальные лидеры» (Young Global Leaders) и в работе Союза европейских федералистов (Union of European Federalists)⁷. Отметим, что вскоре после выхода ее книги австрийский специалист по авторскому праву Штефан Вебер обвинил автора в плагиате, так как были выявлены многочисленные фрагменты текста, заимствованные из других источников без указания авторства⁸, что негативно сказалось как на рейтинге партии, так и на авторитете самой А. Бербок в партийно-политическом ландшафте Германии.

Сара Вагенкнехт родилась в Восточной Германии (Йена) и, напротив, известна своей про-российской позицией и поддержкой антикапиталистического движения. Ее мировоззрение

⁴ Empfehlungen für den Umgang mit Anglizismen in deutschsprachigen Texten des Bundes // Schweizerische Eidgenossenschaft. URL: <https://www.bk.admin.ch/bk/de/home/dokumentation/sprachen/hilfsmittel-textredaktion/empfehlungen.html> (дата обращения: 12.02.2026).

⁵ Eisenberg P. Anglizismen im Deutschen // Reichtum und Armut der deutschen Sprache: Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache / hrsg. von Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. S. 57–119.

⁶ Zustimmungswerte Spitzenpolitiker // Ilium. URL: <https://ilium.de/zustimmung/politiker> (дата обращения: 07.02.2026); Politbarometer 2021 // Forschungsgruppe Wahlen. URL: https://www.forschungsgruppe.de/Umfragen/Politbarometer/Archiv/Politbarometer_2021/ (дата обращения: 07.02.2026)

⁷ Abgeordnete Annalena Baerbock // Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/abgeordnete/biografien19/B/baerbock_annalena-518092 (дата обращения: 05.05.2025).

⁸ Matthias M. Bericht: Annalena Baerbock hat bei ihrem Buch 100-mal abgekupfert // Ostfriesen Zeitung. URL: <https://www.oz-online.de/artikel/1076730/Bericht-Annalena-Baerbock-hat-bei-ihrem-Buch-100-mal-abgekupfert> (дата обращения: 08.02.2026).

формировалось под влиянием общественно-политической жизни в ГДР, а также личных обстоятельств: еще в школе она была своего рода аутсайдером, что закалило ее характер. Затем она изучала философию и немецкую литературу в Йене, Берлине, а также в Университете Гронингена (Rijksuniversiteit Groningen, Нидерланды). Позже защитила диссертацию и получила степень доктора экономики⁹. Свою политическую карьеру она начала в рядах Партии демократического социализма (ПДС), правопреемнице СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии), правящей партии ГДР, и не изменяла этому политическому спектру на протяжении всего периода своей политической деятельности. Сегодня, по мнению политологов, она является одним из самых ярких и вместе с тем весьма неоднозначных политиков современной Германии [21].

В работе также выдвигается гипотеза о том, что частотность употребления англицизмов в индивидуальном политическом дискурсе А. Бербок и С. Вагенкнехт не столько детерминирована их формальной партийной принадлежностью, сколько связана с их личной идеологической ориентацией. Предполагается, что А. Бербок чаще прибегает к англицизмам ввиду ярко выраженной глобалистской направленности ее персональной политической стратегии, в то время как С. Вагенкнехт более ориентирована на национальный контекст, что не характерно для современного леволиберального блока, тяготеющего к западным нарративам. Тем самым полученные результаты можно рассматривать как один из критериев оценки национальной vs. гибридной идентичности политического актора.

По данным исследовательской группы Гогенгеймского университета (Universität Hohenheim, Штутгарт), анализирующей программы политических партий по шкале понятности (Verständlichkeitsindex), одним из препятствий, осложняющих понимание, является употребление заимствованных слов, прежде всего англицизмов¹⁰. В программах обеих партий 2021 г. было отмечено незначительное количество англо-американизмов, а в 2025 г. исследователи выделили этот критерий отдельно¹¹, возможно, по причине увеличения их доли и влияния на понимание текста. Внимание к англо-американизмам не только с научной, но и с прагматической точки зрения подтверждает их важную роль в современном политическом дискурсе и требует разностороннего анализа.

Методология и методика исследования

Методологическую основу исследования составляет качественный и количественный контент-анализ в корпус-менеджере AntConc, а также дискурс-анализ, позволяющий выявить идеологические и социальные импликации языкового выбора. Материалом для анализа послужили авторские книги А. Бербок “Jetzt. Wie wir unser Land erneuern”¹² («Сейчас. Как мы обновим нашу страну») и С. Вагенкнехт “Die Selbstgerechten”¹³ (Самодовольные), изданные в 2021 г., в период предвыборной кампании в бундестаг XX созыва. В то время С. Вагенкнехт представляла «Левую партию», а А. Бербок – «Союз 90/Зеленые». Объемы проанализированных текстов отличаются, статистические данные представлены в табл. 1.

Объем книги С. Вагенкнехт на 46 % больше объема книги А. Бербок, что, однако, не является препятствием для цели данного исследования.

На следующем этапе с привлечением метода сплошной выборки из обоих текстов были отобраны единицы, представляющие собой англо-американизмы. Эти данные отражены в табл. 2.

⁹ Abgeordnete Dr. Sahra Wagenknecht // Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/abgeordnete/biografien20/W/wagenknecht_sahra-858202 (дата обращения: 07.02.2026).

¹⁰ Brettschneider F., Thoms C. Bundestagswahl 2021: Wahlprogramme im Vergleich // Universität Hohenheim. URL: https://komm.uni-hohenheim.de/fileadmin/einrichtungen/komm/PDFs/Komm/Bundestagswahl_2021/Wahlprogramm-Check_2021_Bundestagswahl.pdf (дата обращения: 07.02.2026).

¹¹ Brettschneider F., Thoms C. Bundestagswahl 2025: Wahlprogramme im Vergleich // Universität Hohenheim. URL: https://komm.uni-hohenheim.de/fileadmin/einrichtungen/komm/PDFs/Komm/Wahlprogramm-Check/Wahlprogramm-Check_BTW_2025.pdf (дата обращения: 07.02.2026 г.)

¹² Baerbock A. Jetzt. Wie wir unser Land erneuern. Berlin: Ullstein, 2021. 240 S.

¹³ Wagenknecht S. Die Selbstgerechten. Meine Gegenprogramm – für Gemeinnutz und Zusammenhalt. Frankfurt; New York. Campus Verlag, 2021. 345 S.

Таблица 1. Объем проанализированных текстов
Table 1. Text Corpus Size

Критерий \ Книга	Jetzt. Wie wir unser Land erneuern	Die Selbstgerechten
Количество страниц	240	390
Количество слов	45 748	99 260

Таблица 2. Количество выявленных заимствований
Table 2. Number of Identified Borrowings

Критерий \ Книга	Jetzt. Wie wir unser Land erneuern	Die Selbstgerechten
Количество единиц	165	205
Количество словоупотреблений	356	883
Доля от общего объема книги	0,78%	0,89%
Нормированное количество заимствований на 1000 слов	7,8	8,9

В выборку включались существительные (они составляют значительную часть корпуса), прилагательные и глаголы (их значительно меньше), а также цитатные заимствования в виде словосочетаний, фразовых единств и предложений. Уточнение заимствованного характера или пути заимствования, а также значения выявленных единиц производилось при помощи онлайн-корпуса современного немецкого языка *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)*, что позволило исключить ряд единиц, совпадающих по графическому оформлению с англоязычным словом, например *just*, *simpel*. Как следует из табл. 2, доля англицизмов в книге А. Бербок составляет в среднем 1:128 – одно английское слово приходится на 128 немецких слов. В книге С. Вагенкнехт наблюдается иное соотношение – 1:111, то есть на 111 немецких слов приходится 1 заимствование. Отметим, что в обоих случаях доля англицизмов не превышает 1%, что в целом соответствует неофициальным рекомендациям лингвистов.

На основе контекстуального анализа были выделены пять групп англицизмов, с учетом их семантики и функционального предназначения: 1) терминологически обоснованные англицизмы, 2) концептуальные англицизмы, 3) стилистические англицизмы, 4) цитатные заимствования, 5) ложные англицизмы или псевдоанглицизмы. Ключевым критерием дифференциации выступает наличие/отсутствие в немецком языке синонима, имеющего расхождение в объеме значений, стилистической окраске или сфере употребления. При анализе использовался сопоставительный метод на базе данных толковых словарей современного немецкого¹⁴ и английского языков¹⁵, что позволило выстроить классификацию, учитывающую как содержательные, так и прагматические параметры заимствованных единиц.

Результаты исследования

Проведенный анализ выявленных заимствований позволяет утверждать, что они не являются однородными как по своей семантике, так и по своим функциям. Предлагаем выделить следующие группы англицизмов, представляя их в порядке значимости для политического дискурса.

¹⁴ Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁵ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.02.2026); Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 20.02.2026).

В первую группу, по нашему мнению, относятся **терминологически обоснованные англицизмы**. Они соответствуют принципам лексической лакунарности, семантической точности или дифференциации и являются релевантными как для языка-источника, так и для принимающего языка. Их функциональная нагрузка заключается в номинации нового явления, для которого отсутствует обозначение в принимающей культуре (*die Software, digital, das/der Burn-out, die Patchwork-Beziehungen, der Hedgefonds, das Know-how*), а также в уточнении понятия и сужении его семантики. Так, например, единица с англоязычным компонентом *der Premierminister/die Premierministerin* в политическом дискурсе относится к зарубежным политикам и не употребляется по отношению к немцам. Подтверждается это примерами из анализируемых книг: “Die ersten Matadore der neuen politischen Agenda, die auf den Abbau sozialer Sicherheit und die Entfesselung von Gewinnstreben und Finanzmärkten zielte, waren die 1979 ins Amt gekommene britische Premierministerin Margaret Thatcher und der ab 1981 regierende US-Präsident Ronald Reagan” (Wagenknecht, с. 98) – “Als Trudeau 2015 Premierminister von Kanada wurde, bildete er ein Kabinett, in dem die gesamte Vielfalt des Landes vertreten war” (Baerbock, с. 60). В этом случае заимствование позволяет сфокусировать внимание на ситуации, типичной для иного языкового общества, сделать акцент на определенной тематической соотнесенности. Или англицизм *der Job*, обозначающий не работу вообще, а ту, которая приносит заработок и ограничена по времени. В отдельных случаях заимствованное слово выступает в том числе средством языковой экономии, например *die Talkshow* вместо “*Unterhaltungssendung, in der ein Gesprächsleiter (bekannte) Personen durch Fragen zu Äußerungen über private, berufliche und allgemein interessierende Dinge anregt*”¹⁶ или *die Lobby* вместо “*Interessengruppe, die durch Beeinflussung von Politikern ihre Interessen auf politischer Ebene durchzusetzen beabsichtigt*”¹⁷.

Подобные заимствования свидетельствуют о том, что наибольшей подвижностью отличается лексика, обозначающая понятия и реалии, характерные для нескольких общественных систем. При интенсификации международных контактов эти понятия, а вместе с ними и новые обозначения заимствуют другие языки и культуры. Лексическая система, несмотря на всю свою гибкость и мобильность, не успевает реагировать на происходящие процессы, и в обиходе иного языкового сообщества появляются иностранные термины. Признаком определенной степени адаптации заимствованных единиц в принимающем языке является их словообразовательный потенциал, например: *der Marketing-Trick, die Marketingstrategie, die Marketingfachleute; die Überwachungssoftware, der Softwareanbieter, die Spionagesoftware, der Softwareprogrammierer; der Job, jobben; Twitter, twitternd, twittern, die Twittergemeinde*. Вместе с тем наблюдается отсутствие единой орфографической нормы, что свидетельствует о неустоявшемся узусе. Так в нашем материале мы выявили параллельное упоминание следующих форм: *Online-Händler* и *Onlinehandel, Fracking-Gas* и *Frackinggas, Top-Manager* и *Topmanager, der Klick* (у А. Бербок) и *der Click* (у С. Вагенкнехт). С одной стороны, это может быть следствием отчасти форсированного характера инкорпорации заимствований в немецкий язык, с другой – спецификой индивидуального дискурса политического актора.

В первую группу мы также относим уже интегрированные в немецкий язык англицизмы, такие как *das Team, das Ticket, das Baby, der Fan, das Training, der Manager, der Spray, das Tablet, das Display, das Match, der Chat* и др. Их употребление можно считать вполне оправданным, так как они соответствуют принципам восполнения лексической лакуны или семантической точности.

Терминологически обоснованных заимствований в современном немецкоязычном политическом дискурсе, в том числе индивидуальном, по нашему мнению, может быть большинство, поскольку политика как сфера деятельности существует не изолированно, а отличается интердискурсивным характером, что отражается в использовании специфических понятий смежных

¹⁶ Talkshow, die // Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Talkshow> (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁷ Lobby, die // Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Lobby> (дата обращения: 15.02.2026).

областей (технологии, экономика, культура и др.). Кроме того, именно эта группа, заполняя лакуны, является свидетельством глобального/единого дискурсивного пространства любой профессиональной сферы деятельности.

Вторую группу составляют **концептуальные англицизмы**. Они также имеют важное значение для политического дискурса, так как несут в себе пласт идеологических коннотаций иного лингвокультурного общества. Эти заимствования обозначают понятия, тесно связанные с определенными идеологическими, политическими или экономическими концепциями, пришедшими из англосаксонского мира. Их немецкие эквиваленты либо отсутствуют, либо не передают всей полноты заложенных в них смыслов.

Концептуальные заимствования были выявлены в индивидуальном дискурсе обоих политиков, однако их наибольшее количество было зафиксировано у А. Бербок. В ее книге были отмечены употребления таких концептуальных англицизмов, как *Governance, Leadership, Recovery, Window of Opportunity, Gender Pay Gap, Green Deal, Race to the Top, one stop shop* и др. В книге С. Вагенкнехт были обнаружены следующие примеры: *die Cancel Culture, Fridays for Future, Hidden Champions, Shareholder-Value, creative economy, Homo oeconomicus, Bank-Run* и др. Концептуальные англицизмы отражают общественно-политические либо экономические модели, разработанные преимущественно в США и перенесенные позже в европейский контекст, или именуют специфические для иного культурного и языкового сообщества идейные установки (*Black-Lives-Matter, New Deal*).

Основная функция этой группы англицизмов заключается в культурном трансфере общественно-значимых понятий и демонстрации политиком своей включенности в глобальный диалог, а также в транслировании идеологии англосаксонского мира. В отдельных случаях они также выполняют функцию эвфемизации, вуалируя прямые и однозначные номинации с целью избежать нежелательной реакции со стороны получателей информации. Например, в дискурсе А. Бербок при описании миграционных проблем используются англицизмы *Working Poor, Resettlement, Shuttle* вместо более негативно окрашенных немецких понятий *Erwerbsarmut, Umsiedlung, Pendelverkehr*. По этой причине именно такие заимствования могут приводить к нарушению политической коммуникации, так как требуют от адресата определенных фоновых знаний. Их отсутствие может привести к неверному пониманию сообщения политического актора и противоположному эффекту. Отметим также, что такие англицизмы могут служить средством формирования ценностного политического нарратива и манипуляции восприятием некоторых социально-экономических реалий, позволяя уходить от прямых и однозначных формулировок, более уязвимых для критики. В этом смысле они создают и транслируют «социально обусловленные смыслы» [22, с. 386] и отражают общественную идеологию определенной политической системы.

В третью группу входят **стилистические англицизмы**. С одной стороны, они выступают средством семантической вариативности, поскольку имеют лексические дублиеты в немецком языке, с другой – отражают тенденции поколенческой идентификации или языковой моды, так как не содержат никакой дополнительной или дифференцирующей семантики. Можно утверждать, что стилистические заимствования отражают «языковой вкус эпохи» (в терминологии В.Г. Костомарова [23]), придают речи оттенок экспрессии и неформальности, производят классовую и поколенческую дифференциацию. С нашей точки зрения, такие англицизмы привлекают более широкую аудиторию, в основном молодое поколение, к актуальной политической повестке. В качестве примеров приведем следующие заимствования: *der Sound* (вместо *der Ton*), *die Kids* (вместо *die Kinder*), *uncool* (вместо *unmodern*), *up to date* (вместо *topaktuell*), *der Background* (вместо *der Hintergrund*) и др.

Сюда мы включили и так называемые «престижные» заимствования: *das richtige Auspowern, die volle Power, attraktive Hotspots, das Welcome Dinner, das Highlight, das Statement, das Storytelling*,

das/der Level, Social Media, die News и др. Причиной употребления таких заимствований может быть международный опыт политика и «координативный тип билингвизма» [24, с. 472–473], позволяющий переключаться с одного языкового кода на другой, формируя при этом портрет политика новой генерации за счет стремления к неформальности и глобальности, признаком которых зачастую и является англизация национального языка. Вместе с тем это может восприниматься электоратом как нечто искусственное и наигранное, что потенциально подрывает его доверие к аутентичности политического деятеля, а также вызывает отторжение у более консервативной и взрослой аудитории.

Четвертую группу формируют **цитатные заимствования**. Элементы интертекстуальности довольно часто встречаются в политическом дискурсе. По форме они представляют собой прямые цитаты, оформленные, как правило, в скобках или с указанием автора. Их функция заключается в апелляции к чужому мнению, в «трансфере чужой мысли» в терминологии М. Эспаня, с целью усиления собственной позиции либо с целью критической оценки упомянутой цитаты. Данные заимствования также требуют фоновых знаний от реципиента и могут представлять определенную сложность в декодировании информации, особенно при отсутствии соответствующих пояснений со стороны политического актора. Конкретные примеры цитатных заимствований в индивидуальном политическом дискурсе А. Бербок и С. Вагенкнехт рассматриваются в следующем разделе статьи.

В пятую группу мы включили **ложные англицизмы** или **псевдоанглицизмы**. В данном случае речь идет о словах, созданных на основе английских слов и словообразовательных моделей английского языка, что может вводить в заблуждение даже исследователей, как, например, в случае с единицей *das Handy* [4]. В самом английском языке таких обозначений либо не существует, либо они имеют иное значение. В нашем материале были обнаружены четыре псевдоанглицизма. Так, оба политика упоминали *Homeoffice*: С. Вагенкнехт трижды, А. Бербок – дважды. “Die Ursachen liegen auf der Hand: Kein *Homeoffice* ohne Videokonferenz, kein Homeschooling ohne entsprechende Software” (Wagenknecht, с. 377) – “...wenn Familien in manchen Dörfern, aber auch in etlichen Stadtteilen an Homeschooling und *Homeoffice* scheitern, weil das Netz zu langsam ist” (Baerbock, с. 13). В приведенных примерах подразумевается работа на дому, получившая широкое распространение во время пандемии COVID-19. Однако в английском языке эта лексема, по данным онлайн-корпуса DWDS, обозначает министерство внутренних дел Великобритании¹⁸. У А. Бербок также встретились единицы *das Handy* (одно употребление) и *die Ehegattensplitting* (два случая). С функциональной точки зрения включение в индивидуальный дискурс ложных англицизмов направлено на поддержание собственного имиджа и свидетельствует, по нашему мнению, о глобализации политической риторики, возможно, о ее модернизации в духе «языкового вкуса эпохи». Однако значимой роли при оценке политической направленности или идентичности политика эта группа не играет.

Предлагаемая классификация подтверждает идеи, рассмотренные ранее в работах других исследователей, но дополняет и уточняет их, не претендуя при этом на исключительность.

Выявленные в анализируемом материале англицизмы мы распределили по указанным группам. Их соотношение у разных авторов представлено в табл. 3. Погрешность подсчетов составляет менее 1%.

Значительную часть заимствований в анализируемых источниках – как по количеству единиц, так и по количеству словоупотреблений – составляют терминологически обоснованные англицизмы: у А. Бербок около половины, у С. Вагенкнехт значительно больше половины. Они закрывают лексические лакуны немецкого языка, емко и в то же время экономно представляя то или иное понятие. В дискурсе С. Вагенкнехт наибольшей частотностью отличались единицы с англоязычными компонентами *digital* (85 случаев), *der Job* (47 случаев), *der Trend* (25 случаев),

¹⁸ Homeoffice, das // Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Homeoffice> (дата обращения: 08.02.2026).

die Lobby (18 случаев), *online* (14 случаев), *das Internet* и *das Dumping* (по 12 случаев). Автор также часто упоминала англоязычные эргонимы, например *Facebook*¹⁹ (20 случаев), *Google* и *Amazon* (по 17 случаев), *Microsoft* и *Silicon Valley* (по 8 случаев). Политик обращалась к терминам англосаксонского мира: *Labour*, *New Labour*, *Old Labour*, *CIA* и др., причем исключительно в критическом контексте, например: “Auch New Labour erreichte mit Tony Blair mehr Zustimmung unter den Einkommensstärksten als Labour je bei einer Wahl zuvor, während die Arbeiter in den einstigen Industrieregionen der Partei in Scharen davonliefen” (Wagenknecht, с. 62). В данном предложении С. Вагенкнехт критикует новых лейбористов во главе с Тони Блэром²⁰ за ориентацию на хорошо обеспеченные слои населения и игнорирование нужд и потребностей трудящихся, что привело к потере данной части электората.

Таблица 3. Доля выявленных англицизмов по группам (в %)
Table 3. Distribution of Identified English Borrowings by Group (%)

Группа	Книга	Jetzt. Wie wir unser Land erneuern		Die Selbstgerechten	
		Количество единиц	Количество употребл.	Количество единиц	Количество употребл.
Терминологически обоснованные англицизмы		43%	54%	65,8%	70,5%
Концептуальные англицизмы		27%	19%	16%	19,3%
Стилистические англицизмы		24,8%	23,3%	13,1%	8%
Цитатные заимствования		3%	1,4%	3,9%	1,2%
Ложные англицизмы		1,8%	1,4%	0,97%	0,79%

В дискурсе А. Бербок заметна более низкая частота употребления терминологически обоснованных англицизмов. Лидирующую позицию, как и в книге С. Вагенкнехт, занимает англоязычная лексема *digital* и ее производные (53 случая употребления), далее со значительным отрывом следуют англицизмы *Job* (девять случаев), *Recycling* (семь случаев), *Lobby* (шесть случаев), *Internet* и *Trainer* (по пять случаев). Продуктивными и употребительными оказываются единицы с компонентами *Cyber* и *Hack* (также по пять случаев), что маркирует тематический пункт «цифровизация» в политической программе А. Бербок. В среднем терминологически обоснованные англицизмы повторялись у данного автора не более двух раз.

Примерно одинаковое соотношение в дискурсе обоих политиков было выявлено в употреблении ложных и цитатных заимствований. Они занимают незначительную долю от общего числа выявленных англицизмов в обеих книгах (не более 1,5% по количеству словоупотреблений). Отметим, что цитатные заимствования в индивидуальном дискурсе политиков отличаются по своей функциональности. В дискурсе А. Бербок зафиксированы случаи интеграции в немецкий текст цитат на английском языке без перевода или комментария, поясняющего суть его содержания: “Diesen politischen Kraftakt fasste Alexis Tsipras bei der Münchner Sicherheitskonferenz im Februar 2019 wie folgt zusammen: “»Leadership is a matter of creating opportunities for the generations to come to a prosperous future. History must not be written by those who invest in fear and division. It should be written by those who have the courage and strategic vision to rise to the occasion«” (Ваербок, с. 190). Сохраняя цитату на языке оригинала и апеллируя эксплицитно к мнению зарубежного политического лидера (А. Ципраса²¹), А. Бербок интегрирует свою позицию в глобальный контекст, тем самым усиливая собственную аргументацию. Однако большой объем

¹⁹ Принадлежит экстремистской корпорации Meta и запрещена к использованию на территории Российской Федерации.

²⁰ Прим.: Т. Блэр возглавлял лейбористскую партию Великобритании с 1994 по 2010 г. вместе с Г. Брауном, трансформировав ее в ново-лейбористскую, отмежевываясь от старых лейбористов, сохранявшим связи с профсоюзами и ориентированных на трудящихся. Название политонима восходит к девизу “New Labour, New Life For Britain”.

²¹ Прим.: Алексис Ципрас – греческий политик, с 2015 по 2019 г. глава правительства Греции.

цитаты выглядят инородно в немецком тексте и «выключает» из общей линии повествования читателя, не владеющего английским языком в достаточной степени.

Цитатные заимствования в дискурсе С. Вагенкнехт, напротив, приводятся с переводом или пояснением. “Als Hillary Clinton im US-Wahlkampf 2016 die möglichen Trump-Wähler als *basket of deplorables* beschimpfte, was frei übersetzt *Ansammlung von Erbärmlichen bedeutet*, war das zwar wahltaktisch unklug, aber sicher einer der wenigen ehrlichen Momente in ihrer ganzen Wahlkampagne” (Wagenknecht, с. 48). “Ein wichtiger Grund dafür sind *die Deaths of Despair, die »Tode aus Verzweiflung«*, denen die Ökonomen Anne Case und Angus Deaton in einem Anfang 2020 erschienenen Buch auf den Grund gegangen sind” (Wagenknecht, с. 102). Приводя такие примеры из англосаксонского политического дискурса, политик считает необходимым пояснить их для своих читателей, носителей немецкого языка. В этом случае вряд ли возникнет недопонимание, и коммуникативное намерение автора достигнет своей цели.

Наибольшие различия наблюдаются в группе стилистических англицизмов: в дискурсе «зеленого» политика они преобладают и достигают 23%, в отличие от 8% у С. Вагенкнехт (по количеству употреблений). В своей политической программе А. Бербок стремится говорить на языке, близком молодому, урбанизированному поколению, для которого смешение языковых кодов является нормой повседневного общения. Например, наряду с немецкой лексемой *leicht*, полностью справляющейся со своей номинативной функцией, она предпочитает употреблять популярный в разговорной речи молодежи краткий стилистический англицизм, что создает впечатление легкости и динамичности изложения: “Was so *easy* klingt, war keineswegs leicht” (Baerbock, с. 191). Стилистические англицизмы в дискурсе данного политика также служат ярким маркером социальной дифференциации. Так, было отмечено употребление англицизмов при описании семейного окружения, что имплицитно акцентирует принадлежность политика к развитой социальной группе: “meine Schwestern plus *Family*” (Baerbock, с. 239), “zu den *Kids* gehörten” (Baerbock, с. 141), “als selbstbewusster *Teenager* der frühen Generation Y dachte ich...” (Baerbock, с. 55). Данные англицизмы позволяют более точно обрисовать социокультурный контекст, в котором формировалась личность политика, делая его персональный нарратив более узнаваемым и понятным для молодой аудитории.

В дискурсе С. Вагенкнехт также встречается много стилистических англицизмов, но их доля значительно меньше – как по количеству единиц, так и по количеству употреблений. Стоит отметить, что также были выявлены неоправданные с коммуникативной точки зрения случаи их употребления: “Galt gestern noch als *up to date*...” (Wagenknecht, с. 45), “In dem *Statement* der jungen Mutter...” (Wagenknecht, с. 224). В целом употребление стилистических англицизмов в дискурсе «левого» политика также является свидетельством поколенческой моды и стремления привлечь как можно больше сторонников.

Что касается концептуальных заимствований, то по количеству употреблений эта группа представлена в дискурсе обоих политиков примерно одинаково (19%). Однако по количеству уникальных единиц наблюдается явное преобладание англицизмов рассматриваемой группы у А. Бербок (27% против 16%). Контекстуальный анализ выявил частотные единицы, транслирующие глобальные тенденции западноевропейской политики: *Diversity, Gender, Fridays for Future*. Однако если у А. Бербок они преподносятся с положительной стороны, то у С. Вагенкнехт – с отрицательной. Так, А. Бербок с явным сожалением говорит о слабой реализации программы гендерного бюджетирования в стране, в то время как С. Вагенкнехт характеризует сам концепт гендера в политике исключительно негативно: “Aber am *Gender Pay Gap*, also am Lohnunterschied zwischen Frauen und Männern, hat sich auch zwei Jahrzehnte später nicht wirklich etwas geändert” (Baerbock, с. 56) – “Um den Hintergrund der Kampagne zu verstehen, muss man wissen, dass die linksliberale *Gendertheorie* die Existenz eines biologischen Geschlechts allen Ernstes leugnet” (Wagenknecht, с. 51).

Самой частотной единицей у С. Вагенкнехт является единица *Lifestyle*, проходящая красной нитью через всю книгу (67 употреблений). Контекстуальный анализ также позволил нам отнести единицу (*die Appeasement-Politik*) к концептуальным заимствованиям, несмотря на наличие немецкоязычной номинации (*die Beschwichtigungspolitik*). В примере “*Mit Putin zu verhandeln ist Appeasement-Politik*“ (Wagenknecht, с. 10) содержится явная критика в адрес политических оппонентов. Возможно, по этой причине автор прибегает к употреблению англицизма, дистанцируясь тем самым от концепта западноевропейской политики в отношении России. В дискурсе данного политика были отмечены примеры не только политической, но и экономической или социальной повестки: *New Deal, Failed States, Jailed states, Cancel Culture, Brexit, Hidden Champions, Shareholder-Value, creative economy, Queer-Theorie, Welfare Queen* и др.

Концептуальные англицизмы играют значительную роль в индивидуальном политическом дискурсе А. Бербок. Так, рассматривая в своей книге вопросы управления, политик немецкой лексеме *Steuerung* предпочитает американизированное понятие *Governance*: “*Gemeinsame Initiativen für eine bessere globale Governance*” (Baerbock, с. 198). Оно отражает иную «горизонтальную» модель управления и закладывает более широкий комплекс идей, который зародился и был теоретически осмыслен в англоязычном академическом и политическом пространстве. Идеологизированный лексический выбор, обусловленный в том числе глубокими культурно-историческими причинами, демонстрирует и следующий пример: “*Transformationsprozesse brauchen politisches Leadership*” (Baerbock, с. 102). Точный немецкоязычный эквивалент *Führung* все еще несет в себе негативные коннотации тоталитарного прошлого, в то время как *leadership* привносит позитивный, почти мифический ореол, сложившийся вокруг англосаксонской концепции лидерства. Англицизм импортирует позитивные коннотации американской управленческой и политической культуры, включающие харизму, способность мотивировать и вдохновлять. Употребление политиком данной лексемы выступает, по нашему мнению, в некоторой степени манипулятивным инструментом предвыборной риторики. В дискурсе А. Бербок также встречаются понятия из сферы экономики, преимущественно бизнес-терминологии, менеджмента и маркетинга: *Top-Runner-Programm, Game Changer, Boost, CEO* и др. Подобные англицизмы позволяют политику позиционировать себя перед потенциальными избирателями как успешного менеджера, способного решать задачи актуальной повестки.

Заключение

Проведенный анализ эмпирического материала подтверждает значимость англицизмов в индивидуальном политическом дискурсе. Они выступают органичной частью портрета немецкого политика, который формируется в той или иной степени под влиянием англоязычной среды или в силу международного, в том числе профессионального, опыта. Единые политические концепции вследствие глобализации или доминирования одной политической системы требуют единых номинаций, что отражается в насыщении немецкого политического дискурса иноязычными терминами. Предлагаемое распределение англицизмов на группы базируется на основе единых критериев с учетом внеязыковых факторов, имеющих важное значение в дискурсивной практике, особенно политической сферы деятельности. В широком понимании к англицизмам относится спектр функционально-семантических единиц англоязычной природы от точных терминов до стилистических вкраплений и искусственных новообразований, отражающих современную политическую картину, в нашем случае, Германии. Привлечение большего по объему эмпирического материала позволит дополнить предлагаемое теоретическое обоснование, а также уточнить и расширить представленную классификацию.

Совокупность проанализированных примеров позволяет утверждать, что использование англицизмов в индивидуальном дискурсе политика является не случайностью, а важным элементом конструирования политического автопортрета и признаком проявления гибридной

идентичности. Употребление заимствований в речи становится инструментом самопрезентации политического актора и стилизации политической коммуникации. Они могут служить, с одной стороны, маркером прогрессивности и принадлежности к определенному идеологическому течению, с другой, сигналом ориентации на международную повестку и включенность в глобальный диалог.

В результате анализа эмпирического материала подтвердилось предположение, что большая часть заимствований представлена терминологически обоснованными англицизмами. Они необходимы для восполнения семантических лакун немецкого языка и точных номинаций, одинаково воспринимаемых в едином западноевропейском пространстве, отражая вместе с тем интердискурсивный характер современного политического дискурса. Второе предположение о взаимосвязи профиля политика и частотности употребления англицизмов подтвердилось частично. Несмотря на то, что представители разных партий практически в равной степени прибегают к англоязычным наименованиям в своем индивидуальном дискурсе, контекстуальный анализ реализации англицизмов показал различные коммуникативные намерения политиков. В частности, в дискурсе А. Бербок суммарное количество концептуальных и стилистических заимствований значительно превышает число терминологически обоснованных. Ее индивидуальный дискурс отличается большей ориентацией на западную культуру и англо-американские политические стандарты, что выступает одной из граней проявления гибридной идентичности. Таким образом, полученные результаты позволяют рассматривать англицизмы как один из критериев оценки идентичности политического актора. Перспективными представляются дальнейшие исследования на материале индивидуального дискурса представителей других партий различного политического спектра с последующим сопоставительным анализом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прошина З.Г. Концепции глобализации английского языка // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1–2 (32–33). С. 12–30.
2. Дойникова М.И. Англо-американизмы как источник пополнения современного немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 6. С. 135–138. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.27
3. Бадаева Н.В., Омельченко М.С. Морфологическая ассимиляция англо-американизмов в современном немецком языке (на материале экономического дискурса в 2020–2023 гг.) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 1. С. 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.16101
4. Kovács É. Anglizismen im Deutschen: Eine Gefahr oder eine natürliche Erscheinung? // Germanistische Studien. 2009. Bd. 7. S. 181–190.
5. Pfalzgraf F. 12. ‚Anglisierung‘ und ‚Globalisierung‘: Aktuelle Diskurse zu Entlehnungen und moderner Sprachpurismus // Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit / hrsg. von G. Antos, T. Niehr, J. Spitzmüller. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. S. 291–308. DOI: 10.1515/9783110296150-013
6. Burmasova S. Empirische Untersuchung der Anglizismen im Deutschen am Material der Zeitung Die WELT (Jahrgänge 1994 und 2004). Bamberg: University of Bamberg Press, 2010. 293 S. DOI: 10.26530/OAPEN_368157
7. Radtke M. Anglizismen im österreichischen Deutsch am Beispiel von ausgewählten Onlinezeitungen // Studia Germanica Gedanensia. 2022. Bd. 47. S. 103–109. DOI: 10.26881/ssg.2022.47.07
8. Borsch R. Politiker und ihr Umgang mit Anglizismen. Eine Untersuchung englischen Sprachinflusses auf Bundestagsdebatten. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2008. 482 S.
9. Юйцянь Ч. Словообразовательный потенциал англицизмов в политической лексике // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 254–260. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-2-254-260
10. Каменева В.А., Рабкина Н.В. Англоязычная лексика в политическом дискурсе (лингво-персонологический подход) // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 33–40. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_01_03

11. **Рычева Е.А.** Англоязычные заимствования в политическом дискурсе в России и Чехии: прагматический аспект // Поволжский педагогический вестник. 2021. Т. 9, № 4 (33). С. 197–202.
12. **Ручкина Е.М., Белова Е.Е., Карпенко А.А.** Динамика изменения функции англоязычной лексики в отечественном политическом дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 102, № 1. С. 99–104. DOI: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-99-104
13. **Погорецкая О.А.** Англоязычная интерференция в итальянском политическом дискурсе. Функциональный подход // Политическая лингвистика. 2024. № 2(104). С. 117–126.
14. **Винник Р.А.** Идеологическая функция англицизмов в политическом дискурсе России и Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 9. С. 3927–3935. DOI: 10.30853/phil20250538
15. **Espagne M., Werner M.** Deutsch-Französischer Kulturtransfer im 18. und 19. Jahrhundert. Zu einem neuen interdisziplinären Forschungsprogramm des C.N.R.S. // Francia. 1985. Bd. 13. S. 502–510. DOI: 10.11588/fr.1985.0.52120
16. **Schmale W.** Erkenntnisinteressen der Kulturtransferforschung. Frankfurt am Main: Campus, 2006. 120 S.
17. **Нефедов С.Т., Чернявская В.Е.** Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5
18. **Littger P.** Hello in the round. Der Trouble mit unserem Englisch und wie man ihn shootet. München: Verlag C.H. Beck, 2022. 256 S.
19. **Fingerhuth M., Boas H.C.** Anglizismen zwischen Linguistik und Laien-Linguistik: Zum Fremdwortpurismus des Vereins Deutsche Sprache im Anglizismen-Index. Eine frame-semantische Analyse seiner Metatexte // Sprach- und Textkulturen – interkulturelle und vergleichende Konzepte / hrsg. von Cs. Földes. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2018. S. 19–41.
20. **Чигашева М.А.** Семантический аспект англоязычных заимствований в немецком политическом медиадискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (819). С. 151–159.
21. **Белинский А.В.** Сара Вагенкнехт. Реалист. Популист. Мадонна левых // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 3 (127). С. 176–189. DOI: 10.31249/ape/2025.03.10
22. **Чернявская В.Е.** Социальное значение в зеркале политической корректности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 2. С. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
23. **Костомаров В.Г.** Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой массмедиа. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
24. **Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е.** Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 2. С. 468–482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482

REFERENCES

- [1] **Proshina Z.G.**, Conceptions of the English language globalization, Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects, 1–2 (32–33) (2018) 12–30.
- [2] **Doinikova M.I.**, Anglo-Americanisms as a Source for Replenishing the Modern German Language, Philology. Theory & Practice, 12 (6) (2019) 135–138. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.27
- [3] **Badaeva N.V., Omelchenko M.S.**, Morphological assimilation of english borrowings in modern German (based on economic discourse in 2020–2023), Terra Linguistica, 16 (1) (2025) 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.16101.
- [4] **Kovács É.**, Anglizismen im Deutschen: Eine Gefahr oder eine natürliche Erscheinung?, Germanistische Studien, 7 (2009) 181–190.
- [5] **Pfalzgraf F.**, 12. ‚Anglisierung‘ und ‚Globalisierung‘: Aktuelle Diskurse zu Entlehnungen und moderner Sprachpurismus, ed. by G. Antos, T. Niehr, J. Spitzmüller, Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit, De Gruyter, Berlin, Boston, 2019, pp. 291–308. DOI: 10.1515/9783110296150-013.

- [6] **Burmasova S.**, Empirische Untersuchung der Anglizismen im Deutschen am Material der Zeitung Die WELT (Jahrgänge 1994 und 2004), University of Bamberg Press, Bamberg, 2010. DOI: 10.26530/OAPEN_368157
- [7] **Radtke M.**, Anglizismen im österreichischen Deutsch am Beispiel von ausgewählten Onlinezeitungen, *Studia Germanica Gedanensia*, 47 (2022) 103–109. DOI: 10.26881/sgg.2022.47.07.
- [8] **Borsch R.**, Politiker und ihr Umgang mit Anglizismen. Eine Untersuchung englischen Sprachinflusses auf Bundestagsdebatten, Verlag Dr. Kovac, Hamburg, 2008.
- [9] **Yuqian Zh.**, The word-formation potential of anglicisms in political vocabulary, *Neophilology*, 8 (2) (2022) 254–260. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-2-254-260.
- [10] **Kameneva V.A., Rabkina N.V.**, English Borrowings in Russian Political Discourse: A Linguistic Personology Approach, *Political Linguistics*, 1(85) (2021) 33–40. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_01_03
- [11] **Rycheva E.A.**, English Borrowings in Political Discourse in Russia and Czech Republic: Pragmatic Aspect, *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik [Volga Region Pedagogical Bulletin]*, 9 (4 (33)) (2021) 197–202.
- [12] **Ruchkina E.M., Belova E. E., Karpenko A.A.**, Dynamics of Changes in Function of English Vocabulary in Russian Political Discourse, *The Humanities and social sciences*, 102 (1) (2024) 99–104. DOI: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-99-104.
- [13] **Pogoretskaya O.A.**, English-Language Interference in Italian Political Discourse: A Functional Approach, *Political Linguistics*, 2 (104) (2024) 117–126.
- [14] **Vinnik R.A.**, The ideological function of Anglicisms in the political discourse of Russia and Germany, *Philology. Theory & Practice*, 18 (9) (2025) 3927–3935. DOI: 10.30853/phil20250538.
- [15] **Espagne M., Werner M.**, Deutsch-Französischer Kulturtransfer im 18. und 19. Jahrhundert. Zu einem neuen interdisziplinären Forschungsprogramm des C.N.R.S., *Francia*, 13 (1985) 502–510. DOI: 10.11588/fr.1985.0.52120
- [16] **Schmale W.**, Erkenntnisinteressen der Kulturtransferforschung, Campus, Frankfurt am Main, 2006.
- [17] **Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E.**, Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions, *Tomsk State University Journal of Philology*, 63 (2020) 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5
- [18] **Littger P.**, Hello in the round. Der Trouble mit unserem Englisch und wie man ihn shootet, Verlag C.H. Beck, München, 2022.
- [19] **Fingerhuth M., Boas H.C.**, Anglizismen zwischen Linguistik und Laien-Linguistik: Zum Fremdwortpurismus des Vereins Deutsche Sprache im Anglizismen-Index. Eine frame-semantische Analyse seiner Metatexte, *Sprach- und Textkulturen – interkulturelle und vergleichende Konzepte*, ed by Cs. Földes, Narr Francke Attempto, Tübingen, 2018, pp. 19–41.
- [20] **Chigasheva M.A.**, Semantic Aspect of English Borrowings in German Political Media Discourse, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3 (819) (2019) 151–159.
- [21] **Belinsky A.V.**, Sahara Wagenknecht. Realist. Populist. Madonna of the Left, *Current problems of Europe*, 3 (127) (2025) 176–189. DOI: 10.31249/ape/2025.03.10
- [22] **Chernyavskaya V. E.**, Social meaning in the mirror of political correctness, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18 (2) (2021) 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
- [23] **Kostomarov V.G.**, Yazykovoy vkus epokhi: iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy massmedia [The Linguistic Taste of the Era: From Observations of the Speech Practices of the Mass Media], Zlatoust, St. Petersburg, 1999.
- [24] **Zharkynbekova S.K., Chernyavskaya V.E.**, Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (2) (2022) 468–482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Чигашева Марина Анатольевна

Marina A. Chigasheva

E-mail: mchigasheva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1423-5479>

Кузнецова Екатерина Дмитриевна

Ekaterina D. Kuznetsova

E-mail: rio14032014@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5619-5360>

Поступила: 10.01.2026; Одобрена: 20.03.2026; Принята: 24.03.2026.

Submitted: 10.01.2026; Approved: 20.03.2026; Accepted: 24.03.2026.